
Р. А. Симонов, М. С. Фомина

НОВЫЕ КНИГИ ПО МЕДИЕВИСТИКЕ

Общественные процессы последних десяти лет, несомненно, высвободили гуманитарные науки из жестких идеологических рамок, дав тем самым возможность исследователям-медиевистам как обратиться к новым темам исследования, так и разработать новые подходы к ранее поставленным проблемам. Свидетельством этому являются работы по истории и литературе Древней Руси, вышедшие в свет в последние годы.

Представляемый обзор книг, не претендуя на полноту, думается, достаточно репрезентативен, ибо включает разные типы изданий: книгу, представляющую собой избранные труды, несколько монографий и научно-популярные «Лекции-очерки».

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М.: «Языки русской культуры», 2001. — 784 с.

Эта книга подводит итог 25-летним исследованиям автора в области международных связей домонгольской Руси, преимущественно с Западом, и рассматривается им как продолжение на новом источниковедческом уровне, известной книги В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968). Автор труда является поборником восстановления в науке некогда существовавшего историко-филологического единства, комплексного привлечения в историческом исследовании материала и методик так называемых «вспомогательных исторических дисциплин». Это видно уже по самой тематике отдельных глав, посвященных лингвистическим (Гл. 1), нумизматическим (Гл. 4), генеалогическим (Гл. 12) проблемам, так что определение «междисциплинарные очерки» действительно отражает суть исследовательского подхода автора. Историк идет по пути кропотливого сопоставления древнерусских и зарубежных (латинских, византийских, древненемецких и др.) текстов при максимальном учете источниковедческой стороны дела, что делает труд читателя непростым, но зато обеспечивает полученным результатам дополнительную прочность.

14 глав книги представляют собой самодовлеющие очерки, которые в совокупности дают тем не менее достаточно цельную и хронологически связную (некоторую лакуну представляет собой толь-

ко период княжения Ярослава Мудрого, лучше других изученный историками) картину международной активности Руси в первые четыре века ее существования.

В первой главе на огромном текстовом материале рассмотрена древнейшая западноевропейская языковая традиция имени «Русь», в которой, помимо собственно лингвистических наблюдений, автор приходит к ряду важных исторических выводов: что заимствование имени «Русь» в южнонемецкие диалекты совершилось не позднее начала — первой половины IX в., что оригиналом заимствования послужила славянская (а не гипотетическая скандинавоязычная) форма и т. п. Во второй главе обоснована интересная гипотеза, что сведения о народах Восточной Европы, в том числе и Руси, в этногеографической записке IX в. — так называемом «Баварском географе» восходят к окружению славянского первоучителя св. Мефодия; что бросает новый свет на давнишнюю проблему о возможном месте Руси в кругозоре кирилло — мефодиевской миссии. С этой темой непосредственно связана и более общая, анализируемая в гл. 3: активное функционирование уже в IX в. стратегического трансъвропейского торгового пути, соединявшего внутренние области континента с его крайней восточной периферией. Названный путь, как доказывает автор, в истории формирования первоначальной Руси играл роль, сравнимую с ролью известного «пути из варяг в греки». Выявленные в гл. 3 тесные русско-южнонемецкие торговые связи позволили автору привлечь новые восточнобаварские источники к разрешению крайне сложной проблемы происхождения древнерусской денежно-весовой системы (Гл. 4). Эта микромонография, по многочисленности конкретных важных результатов и наблюдений, заслуживала бы отдельной рецензии; здесь заметим только, что главной новаторской идеей, на которой покоится авторская гипотеза, является отождествление гривны «Русской Правды» со стоимостью стандартной золотой монеты IX—X в. — арабского динара и византийской номисмы. Глава 5 посвящена обширному кругу вопросов, связанных с поездкой киевской княгини Ольги в Царьград и ее крещением, и подводит итог уже публиковавшимся исследованиям автора на эту тему. Продолжая свою полемику с Г. Г. Литавриным, историк доказывает, что Ольга побывала в Константинополе только однажды — в 957 г. — и тогда же приняла крещение в столице Империи. Внимание к источниковедческим нюансам позволяет автору, как и в других разделах книги, по ходу дела уточнить целый ряд конкретных деталей: так, например, выясняется, что общепринятая летописная дата смерти князя Игоря (945 г.) скорее всего неверна, и супруг Ольги был убит не ранее 946 г. В гл. 6 на основе анализа документов, относящихся к учреждению в 968 г. Магдебургской митрополии для славян, предпринята попытка реконструировать русско-германские политические контакты при князе Святославе Игоревиче и императоре Оттоне I. Уже публиковавшиеся ранее выводы автора о русско-немецком военном и политическом сотрудничестве в киевское княжение Ярополка Святославича (972—978) существенно уточнены и дополнены в гл. 7. В следующей, восьмой главе, эти наблюдения продолжены применительно к языческому периоду правления Владимира Святославича, что приводит автора к новой трактовке летописного сообщения о походе Владимира «к ляхом» в 981 г. (которое издавна остается остродискуссионным в историографии), к немаловажному заключению о принципиальной достоверности летописного Сказания об «испытании вер». Весьма интересны, хотя и не бесспорны текстологические наблюдения над рядом латинских источников первой трети XI в., на основе которых в гл. 9 сформулирована гипотеза о существовании уже в начале этого столетия, т. е. непосредственно после кончины Владимира, древнерусской агиографической традиции во круг личности крестителя Руси. Международный аспект борьбы Ярослава и Святополка Владимировичей за киевский стол в 1015—1019 г. исследован в гл. 10. В гл. 11 прослежена западноевропейская политика Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода — во второй половине XI в. Привлечение новооткрытых источников («Санкт-галленское продолжение хроники Херманна из Райхенау»), а также тонкий анализ многочисленных брачных связей позволяет принципиально уточнить и дифференцировать существующую в науке картину. На генеалогическом материале построена в ос-

новном и гл. 12; автор доказывает, что киевский князь Святополк Изяславич (1093—1113) не был законным сыном Изяслава Ярославича от его польской супруги Гертруды, а это радикально меняет принятые взгляды на характер династических связей между правящими домами Центральной и Восточной Европы в последней четверти XI — начале XII в. Введенный автором в оборот отечественной науки новый источник 1120-х г. — «Чудо св. Пантелеимона о короле Харальде», т. е. Мстиславе Владимировиче, служит в гл. 13 основой для принципиально новой хронологии брачных связей Владимира Мономаха, а тем самым — для реконструкции внешнеполитических отношений последнего с Западной Европой, в частности, с кельнским монастырем св. Пантелеимона. Наконец, в гл. 14 суммированы интересные соображения автора о древнерусских паломничествах в Святую Землю, которые подводят к заключению о том, что расцвет паломнического движения на Руси именно в XII в. объясняется существованием в то время государств крестоносцев. И в этой главе читатель найдет немало совершенно новых конкретных результатов — например, вывод о родственных связях иконийского султана Килидж-Арслана II с черниговским княжеским домом и др.

Обширная библиография и подробный аннотированный указатель личных имен и анонимных сочинений заметно облегчает читателю ориентацию в объемной и чрезвычайно насыщенной материалом книге.

Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.) М.: «Языки русской культуры», 2000. — 197 с.

Монография обращена к проблеме, сформулированной еще В. В. Виноградовым в его работе «Проблема авторства и теория стилей» (М., 1971). Вопросы авторства в русском средневековье сопряжена с целым комплексом проблем исторической поэтики, характеристики древнерусской литературы как феномена с точки зрения «объективной» — взгляда из сегодня — и «субъективной» — эстетических представлений соответствующей эпохи.

В первой главе, носящей теоретический характер, Е. Л. Конявская, стараясь избегать крайностей, взвешенно и точно анализирует такие понятия и термины, как «образ автора», «личность автора», «авторская позиция», «авторское начало», которыми на сегодняшний день оперируют ученые-медиевисты, и дает свое определение авторского самосознания как литературоведческой категории, характеризует ее роль в структуре художественного произведения. Выделяя составляющие авторского самосознания, Е. Л. Конявская очень четко формулирует принципы его анализа в конкретных произведениях, согласно которым рассмотрению подлежат: 1) авторские высказывания о себе и о своем труде («авторское право» и статус книжника); 2) отношение к слову как Логосу (сакральный аспект); 3) отношение к слову с профессиональной точки зрения, самоопределение в плане жанра, традиций, источников, цитат и т. д. (все, что имеет отношение к ответу на вопрос «как писать?»); 4) определение адресата, обращения к нему и высказывания о нем («для кого писать?»); 5) прямые высказывания от себя, дидактическое начало («зачем писать?»). На этих принципах строится разработанная автором методика анализа проявления авторского самосознания в конкретных произведениях древнерусской литературы. Определяется круг памятников, выбранных для рассмотрения — это, в первую очередь, произведения, авторы которых (хотя бы по имени) нам известны.

Во второй главе книги автор переходит непосредственно к анализу и характеристике особенностей проявления авторского самосознания в памятниках литературы Древней Руси XI—XIII в. Это самый ранний и, пожалуй, самый сложный период древнерусской литературы для анализа авторского начала. Для работы привлечены произведения различных жанров: жития, хождения, Патерик, сочинения Владимира Мономаха, Даниила Заточника. Эти памятники рассматриваются совершенно под новым углом зрения. Как результат происходит переосмысление ряда спорных вопросов художественного своеобразия некоторых памятников, привлекаемых к анализу: соотношение новаторства и

традиций (агиографические произведения Нестора); проблемы авторской установки и адресата (сочинения Владимира Мономаха, «Слово» Даниила Заточника); жанровой природы и литературного генезиса (произведения паломнической литературы) и др.

В третьей главе на материале агиографических произведений и «Слова похвального» инока Фомы рассмотрены и определены основные тенденции развития авторского самосознания в литературе последующего периода — вплоть до середины XV в., главная из которых — возрастание личностного и профессионального начала в памятниках словесности этого периода. Несомненной заслугой автора является тот факт, что в книге прослежен процесс зарождения и постепенного развития профессионализации писательского труда в Древней Руси, начало которого до сих пор ассоциировалась лишь с XIX столетием.

Книга Е. Л. Конявской вносит вклад в изучение эстетических представлений древнерусских книжников о слове и словесном творчестве, прекрасном, искусном.

Разумеется, в монографии не решены все проблемы, связанные с древнерусским эстетическим сознанием и авторским менталитетом. В частности, за рамками рассмотрения остались летописи и ораторское красноречие. Но очевидно, что заявленный подход намечает перспективы теоретического переосмысления истории древнерусской литературы в общем контексте литературного процесса.

Современная наука преуспела в определении специфики древнерусской литературы. Сегодня же, думается, настал момент выявлять базовые категории, на основе которых литературный процесс предстанет единой линией преемственности традиций, а не чередой дискретных «литературных эпох». И одной из таких категорий представляется авторское самосознание.

В. М. Кириллин. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XVI века). СПб.: Алетей, 2000. — 320 с.

Если в работе Е. Л. Конявской разрабатываются новые подходы к известной проблеме, то монография В. М. Кирилина открывает для читателей новую область в изучении литературы Древней Руси — нумерологию, «умозрение в цифрах».

Как обосновано в работе, нумерологические мотивы не просто случайные вкрапления в древнерусские произведения, а метод художественного и психологического воздействия на читателя, компонент древнерусской литературы в целом. А между тем этому явлению, характеризующему духовную сакральность творческого потенциала Руси, в славистических исследованиях уделяется недостаточно внимания. В. М. Кириллин фактически является первооткрывателем этого компонента древнерусского литературного процесса.

Следует отметить, что ученый не ограничивается простым выявлением нумерологических примеров и изучением их места и роли в духовно-художественном контексте отдельных древнерусских произведений. Он разрабатывает теоретические подходы в исследовании нумерологии как феномена культуры. В связи с этим заслуживает внимания его классификация нумерологических проявлений, среди которых выделяются нумерологемы (числа-слова) и нумероформы (числа-структуры). Их воздействие на читателя имело разную психологическую окраску. Нумерологемы непосредственно влияли на сознание, т. к. в явном виде отражали реальное бытие. Нумероформы — это сокровенные (тайные), «утопленные» в повествование числовые структуры, повторяющие «открытые» нумерологемы. Например, в творчестве Епифания Премудрого нумерологемы и нумероформы имеют одинаковое числовое выражение 3, 7, 12. Психологическое воздействие нумероформ, используемое древнерусским автором, для наглядности можно сравнить с современным приёмом влияния на подсознание, например, путем включения в киноленты (в рекламных или пропагандистских целях) информации, которая в явном виде не видна в кино- или телеизображении, а тем не менее вызывает эффект запоминания, ведущего к желаемому информационно-психологическому запечатлению.

Еще один аспект теоретического осмысления нумерологии обусловлен ее связью с математическими знаниями. Здесь также имеют место явные и скрытые проявления. К явным относятся цифровые (знаковые) и словесные выражения чисел, а к скрытым — семантико-числовые характеристики, раскрываемые на основе вычислений. Так, известная еще со времен античности символическая тождественность чисел 4 и 10, объясняется равенством 10 сумме первых четырех натуральных чисел: $1+2+3+4=10$.

Книга В. М. Кириллина выводит нумерологию в самостоятельную область теологического литературоведения. В таком качестве нумерология обеспечит более адекватное понимание семантики древнерусской литературы, ее символических смыслов.

Камчатнов А. М. История и герменевтика славянской Библии. М.: «Наука», 1998. — 223 с.

Монография А. М. Камчатнова посвящена «вечному» вопросу славянской филологии — реконструкции не дошедшего до нас перевода Библии, выполненного свв. Кириллом и Мефодием в IX в.

Структурно книга разделяется на три взаимосвязанные главы.

В первой главе «История изучения славяно-русских переводов Библии» рассмотрены ранее осуществлявшиеся в славянской филологии попытки решения поставленной проблемы и критерии определения того, что в сохранившемся рукописном наследии может быть атрибутировано Кириллу и Мефодию, а что является более поздними наслоениями. Проанализированы труды Й. Добровского, К. Ф. Калайдовича, А. В. Горского, К. И. Невоструева, И. В. Ягича, Г. А. Воскресенского, И. Е. Евсеева, А. В. Михайлова, Л. П. Жуковской, А. А. Алексеева, К. И. Логачева. Основной вывод данной главы заключается в том, что все предлагавшиеся ранее критерии: диалектологический критерий И. В. Ягича, критерий греческого протографа И. Е. Евсеева, структурно-типологический критерий Л. П. Жуковской, изводный критерий А. А. Алексеева, количественный критерий К. И. Логачева — объединяет одна черта: отсутствие интереса к тому, что происходило в голове переводчика и редактора. Перевод же, — утверждает автор, — есть выражение языковой личности переводчика, один из способов толкования текста. Как показывает исследователь, каждая редакция есть особый способ понимания и интерпретации исходного текста, следовательно, основным методом распознавания и отыскания редакций, в том числе и кирилло-мефодиевской, должен стать герменевтический метод.

Вторая глава «Теоретические основы библейской герменевтики» посвящена теоретическому обоснованию этого метода. Перевод понимается как переоформление смысла, переложение его из одной языковой формы в другую. Основной единицей перевода для древнеславянских переводчиков, — утверждает А. М. Камчатнов, — было слово, в связи с чем это понятие тщательно и всесторонне анализируется в монографии. После критического рассмотрения автором были отвергнуты такие теории лексической семантики, как импрессионистская, контекстуальная, парадигматическая, концептуалистская и коммуникативная. Слово и его смысл не есть функция субъективных переживаний, напротив, выражение переживаний есть одно из употреблений осмысленного слова. Слово и его смысл не есть и функция контекста, напротив, контекст есть функция слов и взаимодействия их смыслов. Слово и его смысл не есть функция парадигматических отношений, напротив, парадигма есть функция слов и взаимоотношения их смыслов. Слово и его смысл не есть функция познания, напротив, познание есть функция слова, употребление его для целей познания. Слово и его смысл не есть функция общения, напротив, само общение есть функция слова и его смысла, объединяющего, специфически человеческим образом социализирующего людей.

Затем автором на основе русской философско-лингвистической традиции «философии имени» разработана онтологическая семантическая теория, которая показала сложность семантического

устройства слова: в нем в сложном динамическом взаимодействии присутствуют такие моменты, как ноэматический, семематический, символический и мифологический. В связи с этим было установлено три возможных типа перевода исходного слова: 1) ноэматически и эйдетически тождественный; 2) ноэматически различный, эйдетически тождественный; 3) ноэматически тождественный, эйдетически различный.

В третьей главе «Библейская герменевтика и история славяно-русских переводов Библии» эти понятия были применены к исследованию того, какие переводческие тенденции доминируют в двух (установленных прежними текстологами) редакциях библейских книг — кирилловской и симеоновской. Проведенное здесь исследование показало, что та редакция славянской Библии, которую принято называть кирилловской, обладает очевидными особенностями перевода: существенно более высокой, сравнительно с симеоновской редакцией, ноэматической и эйдетической точностью выражения смысла на славянском языке.

Как непосредственные выводы, так и разработанный метод лингвистической герменевтики представляют собой новаторскую концепцию. Они, безусловно, будут применяться и получат дальнейшее развитие в исследованиях языка памятников древнерусской письменности.

Книга снабжена указателем слов, библейских чтений и именованным указателем, что облегчает читателям работу с этим сложным материалом.

Миронова Т. Л. Проблемы эволюции графико-орфографических систем древнеславянского культурного наследия. М.: Скрипторий. 1999. — 160.

Кажется, наконец-то решена представлявшаяся вечной проблема происхождения славянского письма, таившая в себе целый ряд вопросов. Какую письменность создал св. Константин-Кирилл (почему в средневековых источниках, где он называется творцом славянской письменности, не разъясняется, какой именно из двух сохранившихся, (глаголицы или кириллицы)? И если св. Кирилл создал глаголицу, то почему кириллицей называется второе славянское письмо? На эти вопросы дает ответы в своей книге Т. Л. Миронова.

Исследование автора книги базируется на анализе корпуса сохранившихся славянских текстов X—XI в. При этом Т. Л. Миронова опирается на многочисленные научные труды, посвященные происхождению славянской письменности, а также теоретические работы по фонологии, фонетике и орфографии. В процессе осмысления исследуемой проблемы Т. Л. Миронова пришла к понятию «графико-орфографической системы» древнего рукописного памятника, которое является содержательным эквивалентом сложного комплекса графических элементов (графем), либо находящихся в системном соответствии с определенными звучаниями славянского языка, либо выполняющих иную дистрибутивную функцию. Систематический анализ славянских памятников X—XI в. методом, основанным на указанном понятии, позволил исследовательнице сделать принципиальное заключение о том, что перестройка и новое упорядочение филологической системы может повлечь за собой перестройку и упорядочение графической системы языка. Воплощение этого теоретического подхода в изучаемых источниковых реалиях привело Т. Л. Миронову к нетривиальным выводам.

1. Еще до поездки в Моравию св. Кирилл с опорой на солунскую фонетику создал «архетип глаголицы» (термин Т. Л. Мироновой).

2. Одновременно он разработал греческую транскрипцию глаголических текстов, написанных в системе архетипа глаголицы. Эту транскрипцию Т. Л. Миронова называет «архетипом кириллицы».

3. В Моравии в условиях моравской фонетики архаическая глаголица (архетип) была вновь преобразована св. Кириллом. Это письмо Т. Л. Миронова называет «древнейшей глаголицей».

4. После смерти св. Мефодия (885 г.) и обоснования в Болгарии учеников славянских первоучителей новый переломный этап в развитии письма произошел в связи с заменой в 893—894 г.

государственного греческого языка на славянский. В условиях фонетики восточно-болгарского диалекта и распространения греческой письменной графики ученик свв. Кирилла и Мефодия пресвитер Константин Преславский разработал на базе архетипа кириллицы новый ее вариант, который Т. Л. Миронова называет «древнейшей кириллицей».

5. В условиях фонетики македонско-сербских диалектов и под влиянием древнейшей кириллицы сформировался при творческом участии учеников свв. Кирилла и Мефодия, особенно Климента Охридского, новый тип глаголицы, который Т. Л. Миронова называет «позднейшей глаголицей».

6. «Позднейшая кириллица» (по Т. Л. Мироновой) (графико-орфографическая система, в которой последовательно проведены все новации графики и орфографии древнейшей кириллицы и утрачены по большей части реликты написаний, восходящих к глаголической графико-орфографической системе. «Позднейшая кириллица» представлена единственным древнеславянским памятником — Супрасльской рукописью X в. (за исключением л. 67, написанного более архаичным почерком).

Концепция Т. Л. Мироновой отвечает на, казалось бы неразрешимые вопросы, над которыми ломали головы сотни ученых, написавших к настоящему времени около 7 тыс. работ по кирилло-мефодиевской проблематике. И вот теперь Т. Л. Миронова, кажется, согласовала все точки зрения: автором обоих видов письма — глаголицы и кириллицы является св. Кирилл, поэтому название «кириллица» имеет верный атрибутивный смысл. Однако специально Кирилл создал глаголицу в середине IX в., а кириллица получилась как бы попутно, в качестве вспомогательной греческой транскрипции письма на славянском языке, дополненной глаголическими буквами славянских звуков. В условиях перехода с греческого на славянское письмо в Болгарии конца IX в. эта вспомогательная транскрипция была преобразована Константином Преславским в самостоятельную письменную систему. Вот почему в древних источниках св. Кирилл называется автором славянского письма, но не говорится, какого именно, тогда как от X—XI в. сохранилось два вида такого письма — глаголица и кириллица.

Либан Н. И. Литература Древней Руси: Лекции — очерки. Из-во Московского университета, 2000. — 113 стр.

Представление следующей книги хочется начать с представления личности автора. Николай Иванович Либан — старейший преподаватель филологического факультета МГУ. Как написано в аннотации книги: «Педагог по призванию, Николай Иванович подготовил не одно поколение филологов. Трудно перечислить все читанные им курсы — это и теория литературы, и древнерусская литература, и русская литература XVIII—XIX вв. И все же, наверное, главное, что запомнилось всем выпускникам факультета за последние полвека — это ныне публикуемые лекции».

Все, кому посчастливилось слышать лекции Николая Ивановича Либана, помнят, какое впечатление производили на них интеллектуальная глубина и яркость мысли, образность языка и тот особый артистизм, которым оживляются лекции прирожденного педагога и ратора. Выход в свет книги Н. И. Либана даст возможность приобщить к этому новые поколения студентов и всех, кто интересуется литературой Древней Руси.

Книгу Н. И. Либана отличает наличие широкого культурного, исторического и даже этнографического фона, помогающего читателям правильно понять особенности древнерусской литературы, поставив их в контекст духовного развития этноса. Здесь и очерки истории просвещения, и рассказы о русских подвижниках, и размышления об истоках русского вольнодумства. Анализируя памятники древнерусской литературы, автор приводит развернутые параллели из фольклора. В их числе записанный им самим северный вариант былины о Чуриле.

«Эта книжка, — пишет в Предисловии автор, — не может служить учебником или даже учебным пособием». Делая поправку на авторскую топику вступления, стоит тем не менее прислу-

---

шаться к этим словам, ибо «Очерки» суть записанные и затем обработанные лекции Н. И. Либана, которые прочитаны в разные годы студентами филологического факультета МГУ.

Это лекции — и по форме, и по сути: речь ратора к аудитории, наставника к ученикам, личности к личностям. Личностный подход к изложению материала как раз и не дает возможности назвать эту книгу учебником в традиционном смысле слова, ибо учебник претендует на объективность, формулирование установленного и в основе бесспорного. Н. И. Либан демонстрирует свой взгляд, иногда субъективный и спорный, но всегда яркий и интересный. Как и в своей педагогической практике, он преследует цель, в первую очередь, заинтересовать. Возможно, поэтому книга не имеет традиционно принятое в курсах истории древнерусской литературы расположение материала по периодам. Весь материал условно разбит на 9 лекций, по сути, являя собой единое повествование от эпизода «выбора веры» («Повести Временных лет») до эмоционального монолога о «Житии протопопы Аввакума».

Таким образом, представленные книги дают надежду, что их авторы (а также их последователи и оппоненты) продолжат изучение рассматриваемых проблем, расширяя перспективы современной медиевистики.

